

Е.Н. Курсакова

**П.В. Хавский и дискуссия о календарных стилях:
почему в середине XIX в. не было сделано
научное открытие?**

Середина и вторая половина XIX в. были временем частых хронологических дискуссий. В зависимости от актуальности поднятой проблемы эти дискуссии проходили либо в обстановке солидного и размеренного академического спора, либо в условиях общественного резонанса с небывалыми ажиотажем и ожесточенностью. С одной стороны, они указывали на появление кризисных моментов в развитии критической хронологии. Но в то же время именно дискуссии во многом и определили дальнейшую эволюцию отечественного хронологического знания.

Одним из хронологических споров, развернувшихся в середине XIX в. на страницах русской периодики, был спор по вопросу о соотношении календарных стилей. Он привлек большое количество заинтересованных лиц, проходил довольно остро и продолжительно, поэтому привлек внимание современных исследователей.

В середине XIX столетия числительный порядок годов имел три начала: с марта, сентября и января. Эти три начала годов делились еще каждое на эпохи: от сотворения мира и от Рождества Христова. Таким образом, различное начало годов было причиной всевозможных ошибок: переводя древнерусские даты на современное летосчисление, одни употребляли счет годов, начинающийся с марта; другие — с сентября; третьи — с января, делая при этом неправильный перевод годов из одних в другие. Широкий диапазон способов учета времени составлял в этот период основную причину ученых споров об особенностях старинного времяисчисления. В частности, жаркая полемика развернулась по следующим вопросам: какие годы употреблял Нестор при составлении своей летописи — начинающиеся с марта или с сентября и какие годы старше — начинающиеся с марта или с сентября и января?

К середине XIX в. было высказано несколько мнений по вопросу о древнерусских календарных стилях. Первым попытался представить схему развития русского учета времени В.Н. Татищев. Не особо задумываясь, он перенес правила современного ему церковного времяисчисления на древнерусское и предположил, что с принятием христианской веры церковный год на Руси начинали с 1 марта, а гражданский — с 1 сентября. Затем в 1348 г. на Соборе в Москве по инициативе Феогноста было решено как церковные, так и гражданские

годы начинать с 1 сентября. Предположение В.Н. Татищева опроверг Н.М. Карамзин, назвав его прямо вымыслом. В «Истории государства Российского» он привел многочисленные свидетельства из летописей, которые доказывали, что до 1492 г. на Руси годы начинались мартом, а индикт считался с сентября. И только в 1492 г. в царствование Иоанна III на Московском церковном соборе было решено, что индикт и начало года на Руси будут начинаться с 1 сентября. Кроме того, по мнению Н.М. Карамзина, принятый тогда сентябрьский год был на 6 месяцев старше мартовского года. Точку зрения Н.М. Карамзина, которая в целом сводилась к идее об этапном применении календарных стилей в русском времяисчислении, поддержал еще один авторитетный историк Н.С. Арцыбашев, и в середине XIX в. она была господствующей.

Дискуссия развернулась в 1846–1848 гг. по инициативе П.В. Хавского. В одной из заметок, опубликованных в «Северной пчеле», он объявил о том, что первые два месяца наступившего 1846 г. соответствуют окончанию 7354 мартовского года от сотворения мира, а с 1 марта должен начаться отсчет нового 7355 мартовского года; аналогичная смена в нумерации сентябрьских лет от сотворения мира должна была произойти, по его мнению, 1 сентября 1846 г. Таким образом, получалось, что в современном церковном времяисчислении П.В. Хавский усматривал полугодичное старшинство мартовского календарного стиля над сентябрьским. Кроме того, опровергая точку зрения Н.М. Карамзина, П.В. Хавский заявил, что такой же порядок соотношения календарных стилей бытовал и в Древней Руси, т.е. оба стиля были современны введению христианской веры и использовались параллельно, при этом мартовский год начинался на 6 месяцев раньше сентябрьского, т.е. с 1 марта 5509 г. Ко всему прочему, П.В. Хавский высказал мысль, что Нестор не просто знал о сентябрьском годе, а использовал этот календарный стиль в своей летописи.

Первое время идея П.В. Хавского, ничем не доказанная и не обоснованная, не вызвала особой заинтересованности со стороны исследователей и любителей хронологии. Лишь один человек, коллега П.В. Хавского по Московскому Обществу Истории и Древностей Российских (ОИДР) И.Д. Беляев, вступил тогда в спор с П.В. Хавским и высказался в защиту карамзинско-арцыбашевской

точки зрения. Во втором номере «Чтений» ОИДР И.Д. Беляев, согласившись в общем с П.В. Хавским в том, что Нестор и его продолжатели принимали в одно время год сентябрьский и мартовский, первый как церковный, а второй как гражданский, старался доказать, что в своих летописях они следовали именно порядку мартовских годов [1, с. 155]. Отстаивая идею Н.М. Карамзина о полугодишном старшинстве сентябрьского года по отношению к году мартовскому, И.Д. Беляев утверждал, что Нестор повел счет годам своей летописи с марта 6360 г., прошедшие же от сентября до марта 6 месяцев отнес к 6359 г. К сожалению, доказательства И.Д. Беляева были так же слабы, как и у его оппонента, а примеры, приведенные в подтверждение своей идеи, неудачны, но тем не менее, он решил, что «дело ясно само по себе» и поспешил выйти из дискуссии.

В 1848 г. был издан трехтомник «Хронологических таблиц» П.В. Хавского, практически воплотивший его идею о полугодишном старшинстве мартовского стиля над сентябрьским. Основная масса рецензий, появившихся в периодических изданиях сразу же после выхода книги, носила критический характер. Кроме того, любители хронологии, имевшие солидный авторитет в ученом мире, также не приняли хронологические воззрения П.В. Хавского. Один из его коллег по Московскому ОИДР, известный собиратель письменных древностей В.М. Ундольский опубликовал в 1849–1850 гг. две большие статьи, выводы которых прямо опровергали хронологические построения П.В. Хавского. Проводя свое исследование о вращении, В.М. Ундольский обстоятельно доказал, что древнерусское пасхальное счисление начиналось с марта, а не с сентября. Что касается вопроса о старшинстве сентябрьского года по отношению к мартовскому, то здесь, как считал В.М. Ундольский, не может быть другого мнения, кроме общепринятого: «Предшествие индикта индиктиону полугодом, принимаемо было за аксиому всеми европейскими и русскими учеными, Шлецером, Кругом, Карамзиным, Беляевым и доказано примерами из греческих и русских летописей» [2, с. 18].

Другой хронолог-любитель – Д.М. Перевошиков – выпустил книгу о православном времяисчислении. Хотя она имела пасхалистическое содержание и в прямой форме не затрагивала взглядов П.В. Хавского, тем не менее, подтачивала фундамент его схемы соотношения календарных стилей. Д.Н. Дубенский, член Московского ОИДР, также участвовал в дискуссии и опять же не на стороне П.В. Хавского. Наконец, в спор вступил академик М.П. Погодин. Сначала он отверг построения своего оппонента в одной из своих статей, а затем подготовил фундаментальное их опровержение, которое напечатал в одной из глав четвертого тома своих «Ис-

следований, замечаний и лекций о русской истории».

Кроме авторитетных ученых и признанных любителей истории, в дискуссии также приняли участие и новоиспеченные, мало известные хронологи. К их числу принадлежал Иван Григорьевич Хавский, отставной лейб-кирасирского полка поручик, двоюродный брат Петра Васильевича. В своих замечаниях на хронологические построения П.В. Хавского он проявил себя вполне компетентным исследователем и опытным мастером литературной полемики.

В чем же заключается причина того, что с конца 1848 г. П.В. Хавский оказался во враждебном ему окружении, почти без единомышленников? На его стороне выступили только два заметных ученых деятеля – Я.И. Беренников и Н.П. Ламбин. Причина идейной изоляции П.В. Хавского заключалась в том, что ему просто-напросто не хватало научной грамотности при доказательстве своей точки зрения и культуры ведения дискуссии. Отстаивая свое мнение, он употреблял очень небогатый, однообразный и поверхностный набор доказательств, переходивший из одной его работы в другую. Примитивность своей аргументации он пробовал компенсировать широкой издательской деятельностью. За первые шесть лет после выхода «Хронологических таблиц» П.В. Хавский издал в общей сложности более 50 книг, статей, заметок, реплик и восклицаний, рассчитывая, вероятно, затмить фрагментарные сочинения сторонников старшинства сентябрьского года. К сожалению, почти все его работы были наполнены хвастливым самоцитированием, агрессивностью и высокомерием, а также основывались на молчаливом игнорировании очевидных фактов. Исходя из всего вышесказанного, становится окончательно понятным поведение его оппонентов. Некоторые из них, оставшись при своем мнении, просто выходили из дискуссии, как это сделал И.Д. Беляев; другие, в частности В.М. Ундольский и Д.М. Перевошиков, не ввязываясь в полемику, доказывали свою точку зрения солидными научными работами. Даже М.П. Погодин, дольше всех призывавший П.В. Хавского к благо разумному рассуждению, в конце концов заявил следующее: «Хронологии русских летописей я посвятил целую главу в 4 томе моих Исследований о древней русской истории, следовательно, говорить о ней с г. Хавским более мне не нужно» [3, с. 14].

П.В. Хавский, к сожалению, не имел стройной системы доказательств, подтверждающих свои взгляды на соотношение русских календарных стилей, что отталкивало оппонентов от его идей. Но среди его аргументов были и достаточно веские, которые с определенной долей условности даже можно признать научными. Так, только предлагаемая П.В. Хавским схема соотношения календарных стилей по-

зволюла соблюдать правило определения юлианского високоса во всех трех видах годов только при условии, что мартовский год предшествует сентябрьскому, а сентябрьский – январскому, прибавочный день, 29 февраля, входил в состав всех видов годов. Противники же этой точки зрения должны были признать, что для их мартовских годов традиционная схема расчетов високоса (каждый четвертый год – високосный) не действовала. Кроме того, возражая против мнения об этапности применения календарных стилей на Руси и пробуя доказать древность сентябрьского года, он вполне справедливо указывал на прочное внедрение этого стиля в русской церковно-служебной практике со времен Остромирова Евангелия [4, с. 12]. Кроме того, П.В. Хавский был прав, усматривая в древних месяцесловах не только мартовский и сентябрьский стили, но и январский [5, с. 125]. Правда, он ошибался, заявляя, что январский стиль был современен введению христианской веры на Руси.

Интересующая нас полемика достигла своего наибольшего ожесточения в 1849–1855 гг., после чего она постепенно пошла на убыль. Оппоненты П.В. Хавского, не наблюдая с его стороны никаких попыток к восприятию резонных доводов, предпочитали выходить из дискуссии.

Итак, чем же закончилась дискуссия о календарных стилях, кто оказался прав и какие выводы были сделаны? Как не покажется странным, и те, и другие были правы. Вся проблема заключалась в том, что спорящие стороны общались друг с другом на разных языках. Аргументация П.В. Хавского, например, была примитивной. Если бы он обратился к летописным источникам, то, безусловно, мог бы обнаружить достаточное количество свидетельств и об использовании сентябрьского стиля, и о полугодовом старшинстве мартовского года перед сентябрьским, тем самым, придав большую убедительность своим соображениям о правиле исчисления високосных лет на Руси. Но работать с такого рода источниками П.В. Хавский не умел или же не хотел, поэтому и ограничивался при доказательстве своих идей одним-двумя примерами, которые объявлялись оппонентами ошибками летописцев и легко отвергались. Оппоненты П.В. Хавского, находясь под впечатлением общей примитивности

доказательств своего противника, игнорировали все разумные доводы в его схеме. При этом, правда, отстаивая свою позицию, все его оппоненты были скованы в своих выводах рамками традиционной критико-хронологической методики, не позволявшей им перешагнуть через авторитет предшественников и признать, что в источниках отмечается переменное положение мартовского года по отношению к году сентябрьскому – и с полугодовым опережением, и с отставанием на такой же срок. К сожалению, обе спорящие стороны не желали прислушиваться к противоположному мнению и критически пересматривать собственные взгляды. В результате этого им не удалось найти точки соприкосновения и сделать вывод, который можно было считать научным открытием: на Руси мартовский год применялся в двух вариантах – и в полугодовом старшинстве по сравнению с годом сентябрьским, и младше его на 6 месяцев. И если во второй половине XIX в. наука еще не была готова сделать соответствующий вывод, то дискуссия о календарных стилях подготовила благоприятную почву для этого.

Самым главным ее достижением явилось то, что шло постепенное формирование представлений о древнерусском времяисчислении как о весьма сложном и многовариантном явлении. Назревал вывод о том, что русские летописцы использовали не только несколько эр летоисчисления, но и несколько календарных стилей. Конечно, такое заключение не было сделано, но к нему в некоторых своих высказываниях ближе всех подошел именно П.В. Хавский [6, с. 36]. Он и приблизил научное открытие XX столетия относительно древнерусской системы времяисчисления, сделанное Н.В. Степановым, которому удалось совершить то, с чем не смог справиться сам автор идеи о существовании в Древней Руси года, начинающегося с марта и на шесть месяцев опережающего сентябрьский год, т.е. аргументировано доказать этот факт [7, с. 65]. Более того, он успешно примирил две, казалось бы, несовместимые точки зрения и свел их в единую, стройную концепцию, тем самым, разрешив старый спор. К своему открытию Н.В. Степанов пришел не сразу, долгим путем исследований, но не без осмысления дискуссии середины XIX в. о календарных стилях.

Литература

1. Беляев И.Д. О хронологии Хавского // ЧОИДР. 1847. №4.
2. Ундольский В.М. Альманах, индиктион, круг миротворный // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Кн. 1. Спб., 1850.
3. Погодин М.П. Поправка // Московитянин. 1850. Ч. IV. №23.
4. Хавский П.В. Рец. Правила времяисчисления // ВМГП. 1850. №261.
5. Хавский П.В. Примечания // ЧОИДР. 1847. №6.
6. Хавский П.В.. Месяцесловы, календари и святцы. М., 1855.
7. Степанов Н.В. Единицы счета времени до XIII в. М., 1909.